

К. Е. Гавриленко

УЧАСТИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ ПРУССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩНОСТИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕСЬЯ В XVII ВЕКЕ

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

Поступила в редакцию 09.05.2025 г.

Принята к публикации 21.01.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6

77

Для цитирования: Гавриленко К. Е. Участие переселенцев из Королевской Пруссии в формировании общности бужских голендров на территории Полесья в XVII веке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 77 – 91. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6.

Статья посвящена формированию общности бужских голендров на территории Полесья в контексте миграционных процессов на территории Центральной и Восточной Европы. Голендры — это особая категория земледельческого населения Королевской Пруссии и других регионов польско-литовского государства (Речи Посполитой), обладавшая специфическим социально-правовым статусом. Представителями данной категории земледельческого населения на территории белорусского Полесья были бужские голендры. Представлены сведения о появлении и положении голендров на территории Королевской Пруссии в XVI — начале XVII в. Освещены причины и условия переселения жителей Пруссии на территорию Полесья (Брест-Литовского воеводства Великого княжества Литовского (ВКЛ)) в XVII в. в контексте внутренней колонизации голендров. Названа датировка возникновения общности бужских голендров. Проанализирован текст привилея 1624 г., данного переселенцам. Раскрыта роль протестантского графа Рафаила Лещинского в организации переселения голендров с территории Королевской Пруссии.

Ключевые слова: бужские голендры, Королевская Пруссия, Жулавы, Полесье, Реформация, переселение, внутренняя колонизация голендров

Бужские голендры — историческая локальная полиэтническая (потомки немцев и поляков) и поликонфессиональная (лютеране и католики) общность, представители которой проживали на юго-западе современной территории Республики Беларусь и в смежных регионах Польши и Украины (в долине р. Западный Буг, от которой они и получили название). Формирование общности приходится на первую половину XVII в. и связано с переселением на пустующие земли в имении графов Лещинских (долина Западного Буга) жителей Королевской Пруссии. Они были голендрами — представителями особого слоя земледельческого насе-

ния в Королевстве Польском и ВКЛ (с 1569 г. — составные части Речи Посполитой). Абсолютно все переселенцы исповедовали лютеранство. Основание «материнских» (первых) колоний бужских голендров Нейдорф и Нейбров стало результатом деятельности графа Рафаила Лещинского — одного из самых известных деятелей Реформации в Речи Посполитой в первой трети XVII в.

В источниках и в историографии неоднократно отмечалось, что первые представители общности бужских голендров прибыли из Пруссии. В частности, в многочисленных отчетах времен Российской империи чиновники указывали, что бужские голендры являются переселенцами из Восточной Пруссии [7, ф. 1, оп. 1, д. 2334; оп. 4, д. 269]. Этот регион как место, откуда прибыли голендры на территорию Полесья, указывается и в работах Э. Бютова [2], В. Куна [22], К. Люка [23] и др. Однако необходимо отметить, что данный вопрос так и не был достаточно исследован. Целью статьи является изучение процесса формирования общности бужских голендров, образованной из числа переселенцев из Королевской Пруссии. Задачи — осветить процесс появления голендров как отдельной социальной группы Королевской Пруссии и Речи Посполитой; охарактеризовать положение голендров на территории Королевской Пруссии; выявить причины процесса формирования общности бужских голендров в рамках двух этапов переселения с территории Пруссии; представить сведения о социально-правовом статусе бужских голендров в первой половине XVII в.

Вопросом возникновения общности занимались Э. Бютов [2], А. Хорунжий [17], К. Бем [15], З. Журек [30], К. Люк [23], В. Кун [22] и др. Также к историографии вопроса относятся работы польских исследователей И. Барановского [14], К. Ежовой [19], К. Чесельской [18], В. Новасада [25], З. Ходылы [16], Я. Шлензака [27], М. Тарговского [29], Р. Шмытки [28] и др. Данные авторы занимались изучением появления и положения голендров на территории Королевской Пруссии и Речи Посполитой в XVI—XVII вв. Также в рамках исследования использовались материалы выставки о религиозной политике Гогенцоллернов, которые представлены в издании *“Kreuzwege. Die Hohenzollern und die Konfessionen 1517—1740”*, подготовленном Тайным государственным архивом прусского культурного наследия в 2017 г. [21].

Основными источниками стали текст дубликата привилея Рафаила Лещинского [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50—51], тексты хроник лютеранской кирхи Св. Троицы в приходе Нейдорф — Нейбров (1776 г. [13], 1867 г. [8] и 1902 г. [26]), материалы Национального исторического архива Беларуси в Гродно [7, ф. 1, оп. 1, д. 2334; оп. 4, д. 269; ф. 239, оп. 1, д. 482].

Положение голендров на территории Королевской Пруссии

В польской историографии голендры характеризуются как отдельная категория земледельческого населения в социальной истории Королевства Польского (Речи Посполитой). К числу голендров относят определенную часть иностранных переселенцев (голландцев, немцев, чехов и др.), а с течением времени — и этнических поляков, на которых распространялось «право голендров» — определенная совокупность прав

и обязанностей (речь о которых пойдет ниже). Термин «голендр» происходит от польского слова *holendr* («голландец»). Считается, что первыми переселенцами, получившими подобный социально-правовой статус, были этнические голландцы [19, р. 23 – 24]. По другой версии (К. Гладылович и др.) термин происходит от слова «гаулендр» (*Hauländer* – от *Holz hauen*, «колоть дрова, рубить лес»), что означает «дровосеки» или «корчеватели». Приверженцы этой версии считают, что первые голендры получали земельные наделы, которые было необходимо очистить от деревьев и кустарников (см.: [2, с. 3]). Однако, по мнению К. Ежовой, К. Гладылович и другие немецкие исследователи ошибались в этой этимологии [19, р. 24].

В польской историографии (Я. Шлензак [27, s. 50], К. Ежова [19], Р. Шмытка [28], З. Ходыла [16, р. 37] и др.) традиционно высказывается идея, что первые голендры являлись меннонитами, религиозными беженцами из нидерландских земель, которые нашли убежище на территории Королевской Пруссии и Герцогства Пруссия в 1520-е гг. Провинция Королевская Пруссия образована на западной части земель Тевтонского ордена, которая после Тринадцатилетней войны вошла в состав Королевства Польского (1466). Необходимо отличать эту территорию от Герцогства Пруссии, созданного последним магистром Тевтонского ордена Альбрехтом Бранденбург-Ансбахским. Альбрехт стал одним из первых принявших лютеранство и объявил о религиозной веротерпимости в своей стране. На территории обеих частей Пруссии смогли найти убежище тысячи религиозных беженцев из различных стран Европы, которые спасались от Контрреформации [21, S. 255 – 264]. С течением времени помимо голландцев социально-правовой статус «голендров» в Королевской Пруссии стал распространяться и на представителей других народов. По данной причине термин «голендры» (*holendry*) в современной польской историографии стал заменяться на «олендры» (*olędry, olendry*) [29, s. 11 – 12; 16, р. 33 – 34], чтобы не вводить в заблуждение относительно исключительно голландской этнической принадлежности представителей этой категории земледельческого населения. В настоящей работе используется форма термина «голендры», которая распространена в белорусской, российской и украинской историографиях.

Положение голендров на территории Королевской Пруссии регулировалось отдельными локальными привилегиями землевладельцев либо договорами о землепользовании. Российский историк права А.Л. Рогачевский указывает, что данные документы лишь частично основывались на юридической традиции Кульмского (Хелмского) права, которое ранее использовалось в землях Тевтонского ордена. В частности, произошло отступление от прежних механизмов и хозяйственных форм (земля перестала переходить в собственность и стала рассматриваться как объект аренды). Необходимо также отметить, что условия землепользования голендров были менее льготными, чем те, которыми пользовались колонисты по Кульмскому праву [10, с. 114 – 115]. По мнению Э. Бютова и А.Л. Рогачевского, правовое положение первых переселенцев, полу-

чивших статус «голендров», — это синтез юридических традиций, характерный как для Пруссии, так и для стран, откуда происходило переселение (например, Нидерланды) [2, с. 4–5; 10, с. 114–115].

Необходимо подробнее охарактеризовать положение представителей данной категории земледельческого населения. Одним из основных элементов социально-правового статуса голендров являлась свобода вероисповедания. Первые голендры, как уже отмечалось, являлись меннонитами — последователями религиозного учения Менно Симона, которое было основано на идеях отказа от использования оружия. В последующем в Королевскую Пруссию стали переселяться гугеноты из Франции, а также представители других протестантских течений из Голландии, Фрисландии и Северной Германии. Однако не все религиозные беженцы на территории Королевской Пруссии были голендрами [2, с. 7–10].

Необходимость предоставления определенной части религиозных беженцев особого социально-правового статуса было обусловлено в основном экономическими причинами. В низовьях Вислы (Жулавах) имелись значительные заболоченные пустующие земельные наделы, которые были непригодны для сельскохозяйственной деятельности. Переселенцы из указанных земель имели навыки в возведении гидротехнических построек (дамб, каналов), которые могли решить проблему заболоченности и ввести пустующие земли в сельскохозяйственный оборот [28, s. 68–70].

Помимо обязательства соблюдать свободу вероисповедания голендров землевладельцы должны были предложить другие привилегии, которые позволили бы заинтересовать землепользователей возделывать наделы на длительный срок и тем самым поддерживать приемлемый уровень хозяйственного развития. Все голендры обладали личной свободой, а их общинам предоставлялось право на самоуправление. Взрослые мужчины общин имели право голоса. Из своего состава голендры избирали старосту, а в некоторых случаях двух–трех на срок от 1 до 3 лет с правом переизбрания. К основным функциям старост относились административно-хозяйственное управление, организация сбора налогов и денежных повинностей, осуществление социальной защиты (например, поиск опекунов для сирот) и др. Внутри общин их главы выполняли судебные функции. Также голендры должны были нести коллективную ответственность перед землевладельцем [16, s. 34; 27, s. 53–54].

Землепользование голендров было основано на ограниченном вещном праве (эмфитевзисе). Оно предполагало отчуждаемое пользование землей, однако право пользования землей можно было передавать по наследству (чиншевое право подробнее рассматривается в монографии А. В. Копылова [6]). За надел было необходимо уплачивать денежную ренту, или чинш (*czynsz*), в пользу собственника. Помимо чинша могли устанавливаться натуральные повинности или обязательные общественные работы. Пользователь должен был способствовать сохранению пригодности земли для сельского хозяйства [2, с. 6–10; 28, s. 68–69]. Условия взаимоотношений между землевладельцами и голендрами были

крайне разнообразны по деталям, однако основные положения были идентичны. Описанные условия стали основой для формирования «права голландров».

В скором времени голендры стали относиться к прослойке зажиточных крестьян. Для территории Королевской Пруссии, Герцогства Пруссии и Померании использовался термин «гбуры» для обозначения крестьян, которые владели крупными хозяйствами (гбурствами) средней площадью в 2 лана (поля). Гбуры для обработки земли могли нанимать работников. По мнению А. Мончака, гбуров и голендров можно считать специфическими категориями земледельческого населения Королевской Пруссии [24, s. 89].

Как отмечает З. Ходыла, в XVI–XVIII вв. насчитывалось около 1700 общин голендров на территории Речи Посполитой, однако практически все они находились на территории Короны [16, р. 36]. На территории ВКЛ примерами единичных поселений голендров стали Нейдорф, Нейбров, а в последующем и другие колонии бужских голендров [4, с. 22–23].

81

Формирование общности бужских голендров

Третьего июня 1617 г. на территории Брест-Литовского воеводства ВКЛ, в долине Западного Буга, неподалеку от местечка Славатыче, были основаны колонии бужских голендров Нейдорф и Нейбров [2, с. 11]. Эти поселения в историографии именуются «материнскими» колониями, так как в последующем их жители будут переселяться в «дочерние» колонии, которые основывались относительно недалеко от Нейдорфа и Нейброва (рис.).

Рис. Карта колоний Нейдорф и Нейбров [23, S. 17])

Необходимо отметить, что в историографии помимо 1617 г. называют еще две возможные даты возникновения общности. Одна из версий, предложенная И. Кращенко, предполагает, что возникновение общности приходится на период правления Екатерины II — 1790 г. (см.: [11, с. 59]). Данная датировка опровергается значительным числом свидетельств, относящихся к истории общности периода XVII—XVIII вв. Другая версия относит начало исторического развития бужских голендров к 1564 г. [2, с. 11]. В данном случае возникновение общности также связывают с деятельностью графа Рафаила Лещинского (как и в случае с 1617 г.), однако не конкретизируется, какой именно представитель этого рода имеет отношение к данному событию. Необходимо отметить, что в семье Лещинских было несколько представителей с именем Рафаил, в том числе и те, что жили как на 1564 г., так и на 1617 г. Чтобы прояснить датировку возникновения общности, необходимо узнать, когда род Лещинских получил в собственность земли в долине Западного Буга, где на протяжении многих веков проживали бужские голендры. Речь идет об имении Яблечно (в последующем будет реорганизовано в имение Славатыче), которое перешло по наследству к Лещинским от Феодоры Сагушко (мачехи Рафаила VII Лещинского) [4, с. 22–24]. Таким образом, отношение к возникновению общности имеет Рафаил VII Лещинский, который жил с 1579 г. по 1636 г., а не его дед Рафаил VI Лещинский (1526–1592) [20, с. 18–20].

Остается открытым вопрос о появлении датировки 1564 г. как года возникновения колоний Нейдорф и Нейбров. Скорее всего эта версия сформировалась еще в конце XVIII в. Данный год неоднократно использовался в печатях лютеранского прихода колоний Нейдорф и Нейбров, что и дало основание считать его датой возникновения общности. Ошибочно данный год указывался и в многочисленных документах времен Российской империи, а позднее и в работах ряда исследователей. Можно привести минимум два объяснения, с чем могла быть связана эта датировка:

1) в этом году могло произойти возникновение поселения голендров на территории Королевской Пруссии, откуда и произошло переселение жителей на территорию Брест-Литовского воеводства ВКЛ в 1617 г. [2, с. 11];

2) 1564 год мог иметь символическое значение не для самой общности бужских голендров, а для лютеранского прихода Нейдорф — Нейбров (они могли увековечить знаковое событие в истории лютеран или всех направлений протестантизма на территории ВКЛ и Польши (например, дата издания Брестской Библии (1563) [1] и др.).

Таким образом, можно утверждать, что наиболее вероятная датировка возникновения общности бужских голендров на территории Беларуси — 3 июня 1617 г., дата основания колоний Нейдорф и Нейбров в долине Западного Буга (что подтверждается текстом привилея 1624 г., речь о котором пойдет ниже [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50–51]).

Прибывшие в 1617 г. голендры участвовали в первом из двух этапов переселения. В исторических источниках указывается, что первыми переселенцами стали представители четырнадцати семей. Тексты привилея и хроники Нейдорф-Нейбровской кирхи сохранили име-

на глав семейств: Паулум Брюл (Paulum Brül), Христофорум Мамрау (Christophorum Mamrau), Бартоломей Бодрык (Bartholomaemum Bodryk), Элиам Хорн (Eliam Horn), Йоахин Асман (Joachin Asmann), Георгиум Отто (Georgium Otto), Йоахим Тиес (Joachim Ties), Якоб Мамрау (Jakob Mamrau), Георг Силлентин (George Sillentin), Петерум Кельт (Peterum Kelt), Корнелиум Кельт (Cornelium Kelt), Й. Кунц (Jos. Kunz), Грегориум Олбрехт (Gregorium Olbrecht), Вильгельм Витт (Wilhelm Witt) [13]. В. Кун предполагал, что данные имена и фамилии характерны для жителей Северной Германии [22, S. 538—542], однако необходимо отметить, что он проводил свои исследования в интересах нацистской Германии, пытаясь доказать немецкое происхождение предков голендров. Таким образом, можно поставить предположение автора о немецком происхождении голендров под сомнение.

Может возникнуть впечатление, что четырнадцать семей было мало для создания отдельных сельскохозяйственных поселений, однако в большинстве селений голендров в Королевской Пруссии в конце XVI — начале XVII в. в среднем проживал примерно десяток семей [16; 25; 28]. При этом в историографии и в ряде источников можно встретить информацию, что изначально существовала лишь одна колония Нейдорф, а вторая (Нейбров) возникла с течением времени [2, с. 15].

Важно определить конкретное место, откуда было осуществлено переселение в имение Лещинского. По мнению Э. Бютова, переселенцы прибыли из окрестностей города Грудзендза [2, с. 14], а З. Журек считает местом их выхода поселение Новый Двор. В 1616 г. (за год до основания колоний в долине Западного Буга) умер владелец имения в Новом Дворе Луи Вейхер. Его смерть привела к окончанию действия договора на право пользования землей, и голендры были вынуждены искать нового землевладельца. По мнению Журека, содействие Рафаилу Лещинскому в переселении оказали его сестра Екатерина и ее муж — мальборкский подкоморный Фабиан Чем. Версию Журека подтверждает одинаковое звучание поселений голендров в Пруссии и «материнских» колоний. Так, в Королевской Пруссии существовало поселение *Naidorff* [30, s. 132—141]. Также подтверждением этому могут служить слова из текста привилея Рафаила Лещинского «вновь поселивъ людьми голяндского народа две деревни» [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50]. Можно предположить, что колонии на Западном Буге стали своеобразным продолжением тех поселений, что существовали ранее в окрестностях Гданьска и на Жулавах.

Скорее всего, миграция на территории будущих поселений происходила по рекам Висла и Западный Буг. Необходимо отметить, что место для основания «материнских» Нейдорф и Нейбров было выбрано неслучайно. С начала XVII в. землями в долине Западного Буга (в состав имения входили местечко Славатыче, десяток деревень и улица в Брест-Литовске) стал владеть граф Рафаил Лещинский [20, s. 18]. Он был одним из самых ярких представителей протестантизма в Речи Посполитой в начале XVII в. Один из известных примеров его деятельности по распространению идей Реформации в стране — переселение с территории Священной Римской империи представителей религиозного

течения Чешских братьев. Одним из религиозных переселенцев был Ян Амос Коменский, который при финансовой поддержке графа Лещинского смог организовать работу гимназии в Лешно [4].

В начале XVII в. в имении графа Лещинского в Брест-Литовском воеводстве уже существовал ряд протестантских общин (в Славатыче, Влодаве). Основание Нейдорфа и Нейброва, население которых исповедовало лютеранство, стало продолжением деятельности по распространению и укреплению позиций идей Реформации на территории имения Рафаила Лещинского [15]. Необходимо отметить, что отдельный лютеранский приход в колониях Нейдорф и Нейбров будет основан лишь спустя несколько десятилетий и просуществует до конца 1939 г. (эта лютеранская община будет существовать более трех веков, что является своеобразным «рекордом» для всех протестантских общин на территории Беларуси) [3].

Помимо попыток укрепить положение протестантизма на территории своего имения граф Лещинский мог по примеру землевладельцев Жулав привлечь голендров для мелиорации заболоченных земель в долине реки. С 1617 по 1624 г. переселенцы получили от землевладельца «вольницу» — освобождение от любых видов повинностей. За это время они должны были организовать свою хозяйственную жизнь [26]. Скорее всего, под этим в документах могло подразумеваться строительство первых каналов и дамб, а также организация домохозяйств.

Магнаты Лещинские сохранили за переселенцами статус голендров. Права и обязанности жителей Нейдорфа и Нейброва были юридически закреплены текстом привилея от 24 июня 1624 г. В 2023 г. автором статьи среди материалов о поземельном устройстве вечных сельских чиншевигов Брестского уезда, хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно (фонд 239 «Брест-Литовское уездное по чиншевым делам присутствие»), была обнаружена русскоязычная копия (датируемая 19 сентября 1895 г.) текста привилея (копия дубликата, созданного в 1806 г.). В 1869 г. дубликат оригинала привилея нашли в одном из архивов Восточной Пруссии и переписали для бужских голендров. В 1895 г. эту копию (1869) дословно перевели на русский язык и приложили к материалам о поземельном устройстве голендров (вечных сельских чиншевигов). Можно предположить, что оригинальный текст привилея в 1860-х гг. был утрачен (возможно, во время пожара в архиве кирхи). Необходимо отметить, что оригинал привилея хранился в специальном сундуке войтов (старшин) колоний бужских голендров [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50—51].

В 2025 г. автором статьи в фонде 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД) Российского государственного исторического архива была обнаружена вторая копия данного привилея (датируемая 1869 г.). Она была приложена к материалам об установлении правового положения представителей общности. Вопрос рассматривался в Министерстве внутренних дел империи [12, ф. 821, оп. 5, д. 425, л. 16—18]. Тексты обеих копий идентичны.

Сопоставляя тексты копий с другими источниками [7, ф. 1, оп. 4, д. 269, л. 56 об. — 57; 8; 13; 26], в которых указываются первоначальные

права и обязанности голендров (1624), можно предположить, что тексты копий действительно соответствовали оригиналу, а не являлись подделками второй половины XIX в.

Привилей был подписан сыном Рафаила Лещинского — Владиславом [20, с. 21]. Методика формулярного анализа [5] позволяет выделить основные элементы в содержании привилея (основная часть и конечный протокол). Необходимо отметить, что в текстах копий привилея отсутствует начальный протокол (нет посвящения высшим силам, указания, от кого и в чей адрес исходит документ, и т. д.).

Основная часть привилея начиналась с указания мотивов издания его (определить правовое положение голендров после окончания семи лет «вольницы»). Также в основную часть вошли перечисления привилегий, даруемых голендрам на землях Лещинских (перечисление привилегий было дано единым текстом, без разделения на пункты). Корроборация привилея (удостоверение документа) включала подпись, печать, имя, фамилию и регалии подписавшего привилей (*Владислав, граф из Лешны Лещинский, подкоморжи* (подкоморный. — К. Г.) *Брест-Литовский, Дубинский и проч. староста*).

Конечный протокол документа включал дату (16 июня 1624 г.) и место (г. Влодава) подписания [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50—51; 12, ф. 821, оп. 5, д. 425, л. 16—18].

Необходимо отметить, что по структуре изучаемый документ схож с другими привилеями ВКЛ и Королевства Польского.

Обратимся к анализу привилегий, указанных в основной части привилея 1624 г. Их можно объединить в несколько условных групп, каждая из которых раскрывает тот или иной аспект социально-правового статуса бужских голендров.

Первая группа посвящена организации религиозной жизни в колониях. Голендрам давалось право на свободу исповедания своей «евангельской» (лютеранской) веры, а также право на содержание своего учителя. Разreshалось изгнать из колоний голендра, который стал бы подвергаться угрозе устои веры. Граф Лещинский обязался, что ни он, ни его потомки не посмеют посягать на веру голендров. Для исполнения духовных обрядов разрешалось построить храм. Граф Лещинский распорядился выделить материал для строительства кирхи и доставить его в колонию. Строительством должны были заниматься голендры с помощью местных мельников. Кандидатура пастора должна была согласовываться лично с графом Лещинским. Для содержания пастора выделялся земельный участок площадью 4 морга и 2 уволоки удобной земли для строительства усадьбы (привилей 1624 г.). Данные пункты привилея весьма логичны. Напомним, что согласно историографии голендры переселились на территорию Речи Посполитой в связи с религиозными гонениями [4, с. 25—26; 16, с. 37]. Таким образом, главным из условий для их проживания во владениях землевладельца являлась защита веры от всяческих посягательств.

Вторая группа привилегий посвящена организации землепользования в колониях. За право пользоваться землей голендры обязаны уплачивать по 15 грошей серебром за каждый морг земли (в договоре отмечается, что один морг равнялся 30 прентам, а один прент — 7½ локтям).

По истечении 40-летнего срока голендрам разрешалось продавать свои земельные наделы. Новый землепользователь получал тот же комплекс прав и обязанностей, что и предыдущий. В этой же части прописывается, что жители колоний имели право заниматься мелиорацией (рытьем каналов). При этом каналы для нужд своих полей голендры должны создавать собственными силами. К иным гидротехническим работам, направленным на минимизацию последствий разливов Западного Буга, голендры могли привлекать местных крепостных крестьян. Данные привилегии также объяснимы. Голендры селились на территориях, которые постоянно подвергались паводкам. Для использования этих земель в сельскохозяйственных нуждах требовались значительные усилия, однако они не гарантировали, что половодья не станут причиной неурожая [8; 26]. Бужским голендрам предписывалось пользоваться для перемола зерна на муку исключительно мельницами землевладельца за установленную плату (привилей 1624 г.). Возможно, данная мука предназначалась преимущественно для продажи.

К третьей группе можно отнести право на самоуправление в колониях. Ежегодно в каждой колонии избирался войт из числа голендров. В число его обязанностей входило разрешение споров между голендрами на основе «прусского закона»¹. В случае несогласия с решением войта голендры имели право подать апелляцию на имя землевладельца. Также в обязанности войта входило представление интересов всех членов общности голендров в переговорах с землевладельцами по вопросам землепользования (привилей 1624 г.).

Четвертая группа регламентирует пользование лесами и водами во владениях Лещинских. Голендрам разрешалось пользоваться лесами во владениях Лещинских для строительства домов и заготовки дров. Для своих нужд разрешался сбор меда диких пчел, а также ловля рыбы.

Условия привилея охватывали и другие аспекты жизни в поселениях. Так, например, голендрам дозволялось покупать пиво лишь из пивоварни землевладельца, однако, «если им не понравится местный пивовар», то можно было назначить из числа колонистов собственного. Другое положение привилея гарантировало защиту со стороны землевладельца и его потомков от евреев местечка Славатыче (привилей 1624 г.), которое являлось составной частью имения Лещинских [20, s. 18].

Необходимо отметить, что данные права и обязанности схожи с теми, которыми обладали голендры на территории Королевской Пруссии. Очевидны основные положения, которые входили в правовые статусы как бужских голендров, так и голендров Королевской Пруссии (личная свобода, свобода исповедования религии, самоуправление колоний, уплата чинша за право пользование земельным наделом).

Второй этап переселения в долину Западного Буга, пришедшийся на конец 1640-х — начало 1650-х гг., был связан с Андреем Лещинским. Во время восстания Богдана Хмельницкого «материнские» поселения

¹ Данный термин был использован в тексте привилея 1624 г. Считаем, что бужские голендры сохранили элементы традиционного самоуправления, включая особенности организации судебной практики, характерные для голендров Королевской Пруссии.

сильно пострадали, а большинство жителей были казнены. По воле землевладельца были переселены еще несколько семейств — Баум (Baum), Кребс (Krebs), Хольц (Holz), Шиппелбаум (Szypelbaum), Хюнебург (Hüneborg), Бютов (Bütow), Бендик (Bendik), Людвиг (Ludwig) [13, р. 14]. К сожалению, точного количества переселенцев, прибывших в ходе второго этапа, нам не известно. По мнению Э. Бютова, переселенцы второго этапа прибыли из того же региона, что и первые жители Нейдорфа и Нейброва (с территории Жулав) [2, с. 16–17].

В контексте данного исследования необходимо упомянуть о деятельности пастора Нейдорф-Нейбровского прихода Эвальда Лодвиха в 1925–1935 гг. Этот руководитель лютеранской общины пытался доказать не немецкое, а кашубское происхождение предков голендров. Пастор соглашался с тем, что первые жители колоний Нейдорф и Нейбров прибыли из Пруссии (с территории возле Гданьска). Однако, по его мнению, предки голендров были представителями упомянутой западнославянской этнической группы. Можно воспринимать эту деятельность как элемент политики колонизации, проводимой в 1920–1930-е гг. в колониях. Пастор собирал доказательства своей идеи и неоднократно публиковал заметки о связи бужских голендров с кашубами. Необходимо отметить, что ни польские власти, ни большинство бужских голендров не поддерживали идеи Лодвиха [3, с. 45–48].

Несмотря на предложенную Лодвихом идею, бужские голендры в годы Второй мировой войны были признаны этническими немцами, что позволило осуществить их переселение на территорию рейха [23].

История бужских голендров — пример того, как миграционные процессы влияют на развития отдельных регионов. Несмотря на значительное расстояние между Пруссией и Полесьем, жители Королевской Пруссии переселились в долину Западного Буга, что стало причиной формирования общности бужских голендров, которая просуществовала более трех веков.

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

1. Голендры как отдельная категория земледельческого населения на территории Королевской Пруссии появились в 1520–1530-е гг. Этот процесс связан с переселением значительного числа религиозных беженцев из Голландии, Фрисландии и Северной Германии. Первыми голендрами, скорее всего, были голландцы, последователи меннонизма. Постепенно происходило переселение из окрестностей Гданьска в другие регионы Королевской Пруссии, а также на земли Королевства Польского и ВКЛ. Землевладельцы стремились привлечь голендров для мелиорации непригодных земельных наделов и основания постоянных домохозяйств с целью получения стабильного дохода.

2. Участники колонизации голендров обладали определенными правами и обязанностями, значительно отличаясь по социально-правовому статусу от других категорий крестьянства. Для каждого конкретного случая внутренней колонизации (создания отдельного поселения) подписывался отдельный договор или выдавался привилей от землевладельца. Несмотря на то что каждый договор или привилей содержал свои особые положения прав и обязанностей голендров, тем не менее существовали основополагающие элементы социально-правового статуса,

характерные для всех представителей внутренней колонизации голендров. К их числу относятся личная свобода, свобода вероисповедания, общинное самоуправление, а также неполное вещное право на земельные наделы, за которые было необходимо уплачивать чинш (денежную ренту) в пользу землевладельца.

3. Переселение относительно небольшой группы голендров с территории Королевской Пруссии на территорию Полесья (Брест-Литовское воеводство ВКЛ) произошло в первой половине XVII в. в два этапа (в 1617 г. и конце 1640-х — начале 1650-х гг.). Именно они стали первыми представителями общности бужских голендров — одной из групп внутренней колонизации голендров на территории Речи Посполитой, но по сути единственной на территории ВКЛ. Переселение жителей Королевской Пруссии в долину Западного Буга было примером деятельности графа Рафаила Лещинского. Создание первых колоний бужских голендров на территории имения графа можно объяснить двумя причинами:

1) переселение голендров-лютеран могло являться элементом деятельности землевладельца по распространению идей Реформации в своих владениях;

2) как и другие землевладельцы Речи Посполитой, Лещинский хотел использовать знания и умения голендров для введения заболоченных земель в сельскохозяйственный оборот с целью получения прибыли.

4. Права и обязанности бужских голендров были закреплены привилеем, выданным графами Лещинскими (16 июня 1624 г.). Анализируя текст копии документа, можно прийти к выводу, что положение жителей колоний Нейдорф и Нейбров в целом совпадало с положением других участников внутренней колонизации голендров (в таких аспектах, как личная свобода, ограниченное вещное право на землю, общинное самоуправление, свобода вероисповедания и др.).

Необходимо отметить, что формирование общности бужских голендров на территории Полесья имеет общие черты с переселением протестантов в Европе (например, гугенотов из Франции в Германию, «чешских братьев» в Речь Посполитую и т. д.). Также общие черты прослеживаются и с началом колонизации Северной Америки (речь идет о корабле «Мэйфлауэр», который прибыл к берегам Нового Света в 1620 г.) [9, с. 2–5], которое происходило в тот же период, что и основание колоний Нейдорф и Нейбров в долине Западного Буга. В ходе религиозных миграционных процессов, вызванных активизацией Контрреформации на территории Западной Европы, возникли долгосрочные поселения протестантов в отдаленных регионах.

Список литературы

1. Берёзкина Н. Ю. История одной книги: Брестская Библия 1563 г. // Берасцейскія кнігазборы : матэрыялы і дакл. міжнар. круглага стала, Брэст, 29–31 мая 2013 г. Брэст, 2014. С. 30–34.
2. Бютов Э. Происхождение и история бужских голендров // Тальцы. 2004. №4 (23). С. 3–22.
3. Гавриленко К. Е. Деятельность пастора Эвальда Лодвиха в колониях бужских голендров и на территории Полесья // Вышэйшая школа. 2025. №4. С. 43–49.

4. Гавриленко К. Е. Роль Рафаила (Рафала) VII Лещинского в распространении Реформации на территории Брест-Литовского воеводства в конце XVI — 30-е гг. XVII вв. // Молодежь. Духовность. Отечество: 80-летие Великой Победы: память и духовный опыт : сб. науч. ст. Республиканской с междунар. участием науч. конф. в рамках епархиального этапа XXXIII Междунар. Рождественских образовательных чтений / Брестский государственный технический университет. Брест, 2025. С. 22—26.

5. Ельчанинова О. Ю. Специфика применения формулярного анализа при исследовании правовой природы русских грамот XVII века // Право и политика. 2016. №5. С. 642—648.

6. Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, русском, дореволюционном и современном российском гражданском праве. М., 2000.

7. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно.

8. Расшифровка рукописи хроники и заметки Т. Штрауба и Р. Рылля к ней. Из личного архива автора. URL: <https://inlnk.ru/emV872> (дата обращения: 09.04.2025).

9. Рогачева И. Е. Колония Новый Плимут в «национальном воображаемом» Соединенных Штатов Америки : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2022.

10. Рогачевский А. Л. Очерки по истории права Пруссии XIII—XVII вв. (по материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб., 2004.

11. Розенблат Е. С. Проблемы этнической истории Беларуси : учебно-методический комплекс для студентов второй ступени высшего образования (магистратура) ист. ф-та специальности «История». Брест, 2020.

12. Российский государственный исторический архив.

13. Abrahamovich G. Historia ecclesiae Neoburchdorffensis alias Slavaticensis // Acta Conventuum et Synodorum in Majori Polonia a dissidentibus celebratarum / ed. J. J. Scheidemantel. Wrocław, 1776. P. 9—32.

14. Baranowski I. T. Wsie holenderskie na ziemiach polskich // Przegląd Historyczny. 1915. T. 19. S. 64—82.

15. Bem K. Worshipping together or just under one roof? Reformed and Lutheran church agreements in Poland in the early seventeenth century // Searching for compromise? Interreligious dialogue, agreements, and toleration in 16th—18th Century Eastern Europe. Boston, 2023. P. 110—137.

16. Chodyła Z. An outline of the history of Dutch law colonisation in Poland (1547—1864) // “Oleđry”: spaces beside us. Poznań, 2006. P. 32—71.

17. Chorąży A. Nadbużańscy Oleđrzy. Rys historyczny w 400. rocznicę założenia kolonii // Spadkobiercy Reformacji. Erben der Reformation. Lublin, 2017. S. 79—102.

18. Ciesielska K. Osadnictwo “oleđerskie” w Prusach Królewskich i na Kujawach w świetle kontraktów osadniczych // Studia i Materiały do Dziejów Wielkopolski i Pomorza. 1956. T. 2, №4. S. 219—256.

19. Jeżowa K. Les Hollandaises en Pologne // Comptes rendus du congrès international de géographie, Amsterdam 1938. Leiden, 1938. T. 2 : Travaux de la section IIIa “Géographie humaine”. P. 23—26.

20. Karwowski S. Leszczyński herbu Wieniawa. Lwów, 1916.

21. Kreuzwege. Die Hohenzollern und die Konfessionen, 1517—1740. Berlin, 2017.

22. Kuhn W. Die Anfänge von Neudorf am Bug // Deutsche Monatshefte in Polen. 1937/1938. №4 (14). S. 538—544.

23. Lück K. Die Cholmer und Lubliner Deutschen kehren heim ins Vaterland. Posen, 1940.

24. Mączak A. Olędrzy i gburzy w dzierzawie zajączkowskiej województwa pomorskiego // *Zapiski Historyczne*. 1976. T. 41, z. 4. S. 77–91.
25. Nowasad W. Osadnictwo olęderskie w dobrach szlachty Prus Królewskich. Stan źródeł i możliwości badawcze // *Archiwa—Kancelarie—Zbiory*. 2005. T. 1. S. 87–116.
26. Schultz H. Kronika zboru ewangelicko-luterskiego Nejdorfskiego // *Parafia Ewangelicko-Augsburska Świętej Trójcy w Lublinie*. URL: <https://inlnk.ru/DBzY9M> (дата обращения: 28.11.2024).
27. Ślęzak J. Osadnictwo olęderskie a osadnictwo na prawie olęderskim // *Cywilizacja i Polityka*. 2014. Art. 12. S. 49–57.
28. Szmytka R. Osadnictwo olęderskie na Żuławach w ujęciu historii śpodołskowej. Perspektywy badawcze // *Historyka. Srydia metodologiczne*. 2016. T. 46. S. 63–78.
29. Targowski M. Osadnictwo olęderskie w Polsce — jego rozwój i specyfika // *Olędrzy — osadnicy znad Wisły. Sąsiedzi bliscy i obcy* / red. A. Pabian, M. Targowski. Toruń, 2016. S. 11–26.
30. Żurek Z. Osadnictwo olęderskie w świetle “Lustracji województwa malborskiego 1565 i 1570”, “Lustracji województw Prus Królewskich 1624” i jego związki z osadnictwem w regionie Sławatycze—Domaczewo // *Nadbuzanskie Sławatycze*. 2011. R. XI. S. 130–142.

Об авторе

Кирилл Евгеньевич Гавриленко — асп., Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь.

ORCID: 0009-0007-3568-4691

E-mail: gkirill95@mail.ru

K. E. Gavrilenko

PARTICIPATION OF SETTLERS FROM ROYAL PRUSSIA IN THE FORMATION OF THE BUG-HOLLÄNDERS COMMUNITY IN THE TERRITORY OF POLESIE IN THE 17th CENTURY

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

Received 9 May 2025

Accepted 21 January 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6

To cite this article: Gavrilenko K.E., 2026, Participation of settlers from Royal Prussia in the formation of the Bug-Holländers community in the territory of Polesie in the 17th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 77–91. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6.

This article examines the formation of the Bug-Holländers community in Polesia in the context of migration processes in Central and Eastern Europe. The Holländers were a special category of the farmer population of Royal Prussia and other regions of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzeczpospolita) who enjoyed a special social and legal status. In Belarusian Polesia, representatives of this category of farmer population were known as the Bug-Hol-

länders. This contribution details the arrival of the Holländers in Royal Prussia in the 16th and early 17th centuries, focusing on their status. The reasons and conditions for the resettlement of Prussians to Polesia, namely the Brest-Litovsk Voivodeship of the Grand Duchy of Lithuania, in the 17th century are highlighted in the context of the internal colonisation by the Holländer, with a chronological framework provided for the emergence of the Bug-Holländer community. The study identifies the role of the Protestant Count Raphael Leszczynski in the resettling the Holländers from the territory of Royal Prussia and analyses the text of the 1624 privilege bestowed on the settlers.

Keywords: Bug-Holländers, Royal Prussia, Żuławy, Polesia, Reformation, resettlement, internal colonisation by Holländers

The author

Kirill E. Gavrilenko, PhD Student, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus.

ORCID: 0009-0007-3568-4691

E-mail: gkirill95@mail.ru